

Глава 25. Раскрашивание (7)

Прошла неделя.

Время текло.

Иногда медленно, иногда быстро.

Но, оглядываясь назад, казалось, что оно всегда текло с одной и той же скоростью.

Словно старая пластинка, вращающаяся по заданной дорожке.

Каждый день после занятий я направлялся в церковь.

Неизменно, когда солнце начинало садиться.

Эстель всегда была там.

Молилась ли она, спала ли.

Или просто убивала время — по её виду было не понять.

Мы ужинали вместе.

Сидя бок о бок на длинной скамье посреди церкви.

Мягкий хлеб, ароматные фрукты и довольно дорогое на вид виноградное вино, которое Эстель где-то доставала.

Не знаю, использовалось ли это для причастия, но хлеб, по крайней мере, был на удивление безвкусным.

Она всегда о чём-то болтала.

О каком-то аристократе, который расплакался у неё на исповеди.

Или о кошке из монастыря, которая родила пятерых котят.

В основном это были пустяковые истории, которые тут же забывались.

Я по большей части слушал вполуха.

Просто покачивал бокал с вином и слушал её голос, как фоновую музыку.

— Собираешься уходить?

Спросила Эстель.

Она макала последний кусок хлеба в вино и отправляла его в рот.

— Спать-то надо.

— Это да, спать надо. Если поздно ложиться, не вырастешь. Хотя ты, кажется, уже вырос.

Она игриво улыбнулась.

— Кстати, тебя ещё не выгнали из комнаты?

Там ведь живут только умные идиоты и знатные господа аристократы.

— Пока не выгнали.

Если выгонят, придётся ночевать на улице или просто съехать.

Как-нибудь да будет.

Всяко лучше, чем умереть.

— Хм. Если выгонят, живи здесь.

Кровать-то одну я смогу притащить.

— ...

Я хотел было спросить, как и в прошлый раз, почему она так добра ко мне, но промолчал.

Возможно, ей не захочется общаться с человеком, перед которым она раскрыла душу.

— Спасибо.

Коротко ответил я.

От этих слов белоснежное лицо Эстель покраснело.

Даже в слабом свете свечей этот румянец был отчётливо виден.

Она, слегка улыбнувшись, тихо сказала:

— А. Да, да что тут такого.

Как сестра, я, конечно... а, нет.

Пока. Увидимся завтра.

Она неловко закончила фразу и, отвернувшись, посмотрела на алтарь.

Я встал и пошёл к дверям церкви.

Я чувствовал её взгляд в спину.

Ни тёплый, ни холодный.

Просто взгляд, который был.

Так я, как обычно, поужинал с Эстель и направился в свою комнату.

Меня ждала Серафина.

Перед дверью моей комнаты.

Словно она долго стояла на этом месте.

Тусклый свет коридора размывал её очертания.

— ...Что ты здесь делаешь?

— Хотела поговорить. Тебя не было в комнате, вот и ждала.

Её голос был низким и тихим.

Он слабо отозвался эхом в пустом коридоре.

Присмотревшись, я заметил, что дверь была слегка приоткрыта.

Изнутри пробивался свет.

Хоть вору и нечего было красть, но чувство было странное.

Ведь не очень-то приятно, когда невеста, пришедшая из-за разрыва помолвки, самовольно открывает твою дверь.

— Если из-за разрыва, то не обязательно было приходить лично, не так ли?

Всё ведь уже решено?

Сказал я, прислонившись к двери.

Подходить к ней не хотелось.

Между нами всегда была невидимая стена.

Сейчас её место просто занимала настоящая дверь.

— Мне сказали, что обычно стороны и представители обеих семей встречаются и всё согласовывают.

Видимо, ничего не поделаешь. Мы не можем закончить всё одним словом.

Сказала она, избегая моего взгляда.

Она смотрела на истёртый узор на полу коридора.

— Впервые о таком слышу.

— Наверное, потому, что мы единственные, кто разрывает помолвку, будучи обручёнными с детства.

На её губах появилась слабая, горькая усмешка.

— Я приготовила карету. Завтра, после обеда, я за тобой заеду.

— Хорошо.

Я кивнул и собирался закрыть приоткрытую дверь.

Взялся за ручку, потянул на себя.

Больше говорить было не о чем.

Разговор всегда ходил по кругу.

И в тот момент, когда я собирался закрыть дверь.

Хруст.

Серафина рефлекторно сунула руку в дверной проём.

Раздался глухой звук.

Её тонкие пальцы зажало между закрывающейся дверью и косяком.

Белые пальцы мгновенно покраснели и выгнулись под неестественным углом.

Я на мгновение замер.

Кончиками пальцев я отчётливо почувствовал, как дверь что-то раздавила.

Её лицо слегка исказилось от боли.

Она даже не застонала.

Лишь прикусила губу.

— Ты в порядке?

Голос вырвался сам собой.

Она, вместо ответа, быстро убрала руку и спрятала её за спину.

Словно нашкодивший ребёнок.

— В порядке.

Голос был очень тихим и дрожащим.

Таким голосом, по которому было слишком очевидно, что это ложь.

— ...Понятно.

Равнодушно ответил я и закрыл дверь.

Я не спросил, зачем она это сделала.

Даже если бы и спросил, внятного ответа всё равно бы не получил.

Щёлк.

Дверь закрылась, и щёлкнул замок.

Я некоторое время стоял, прислонившись к двери.

Сердце медленно билось.

За дверью не было слышно ни звука.

Ушла она или всё ещё стоит там, я не знал.

Это было неважно.

Я подошёл к кровати и бросился на неё.

Со скрипом матрас принял моё тело.

Я устал.

Больше морально, чем физически.

Сколько прошло времени?

Полчаса, или час.

Когда глаза привыкли к темноте комнаты, чувство времени притупилось.

Вдруг я подумал, что нужно сообщить Эстель, что завтра вечером я не смогу прийти.

Уговор есть уговор.

Я поднялся и снова пошёл к двери.

Ни о чём не думая, взялся за ручку и повернул.

Бум.

Как только я открыл дверь, послышался звук, с которым что-то ударилось и упало.

Это была Серафина.

Она, видимо, стояла, прислонившись к двери.

Упав на пол, она смотрела на меня снизу вверх испуганными глазами.

Сквозь растрёпанные волосы отчётливо виднелось растерянное выражение.

— Ты всё это время здесь стояла?

Она поспешно попыталась подняться, но, видимо, ноги ослабли, и она пошатнулась.

Попытавшись встать, она снова села.

При этом показалась рука, которую она прятала за спиной.

Я увидел её пальцы.

Дело было не только в тех пальцах, которые зажало дверью.

Все десять пальцев, кожа вокруг ногтей, были красными и опухшими.

Присмотревшись, я даже заметил слабые следы зубов.

Это была её давняя привычка — грызть ногти, когда она нервничала.

Привычка кусать губы, когда нервничает, тоже никуда не делась — губы были местами потрескавшиеся, с засохшей кровью.

Кончики ногтей были обломаны и неровные.

— Нет. Просто, мне показалось, что дверь не должна закрываться...

Она говорила бессвязно.

Её зрачки беспокойно бегали, словно не зная, куда смотреть.

Пол, пятна на стене.

Они нигде не могли найти покоя.

— А, нет. К-кстати, ты куда-то идёшь?

Поспешно сменила она тему.

— В церковь.

Она, шатаясь, последовала за мной.

Через коридор, до лестницы, ведущей на первый этаж.

Её походка была неуверенной.

— Какая церковь в такую ночь.

Ты просто... просто пытаешься сбежать.

В её голосе слышался слабый упрёк.

Словно она думала, что я лгу.

— Лавин, подожди. Пожалуйста, остановись хотя бы на минутку.

Я остановился и обернулся.

Мы стояли друг напротив друга в пустом холле общежития на первом этаже.

В ночной тишине слышалось лишь наше дыхание.

— Остановиться, чтобы о чём поговорить?

— ...О чём угодно.

— Может, снова о том Запретном Архиве?

Или о том, что ты не хочешь получать письма, а от подарков тебя тошнит.

Или мне снова повторить, что я с самого начала не водился с теми гопниками?

— Как я, как я могла тебе...

Обычно Серафина сказала бы «как я могла тебе верить», но она лишь шевельнула губами и замолчала.

Её глаза забегали.

Мы снова молчали.

Слова, ранившие друг друга, растворились в воздухе, но их послевкусие по-прежнему давило на нас.

Казалось, она хотела удержать меня.

Но знала, что что бы она ни сказала, до меня это не дойдёт.

Но и я не хотел продолжать смиряться и пускать всё на самотёк.

Мне не нравилось, что всё, что я делал до сих пор, считалось мусором.

— Если ты так хочешь меня удержать, может, мы отменим разрыв помолвки?

Мой голос, сам того не ведая, дрогнул.

— Когда-нибудь, в подходящее время, поженимся и будем жить вдвоём где-нибудь в тихом уголке.

На самом деле, мне, кажется, и этого будет достаточно. Можно даже не возвращаться...

Были ли эти слова искренними?

Или это была лишь попытка проверить её?

Я и сам не знал.

Просто сейчас казалось, что нужно сказать именно так.

Может, это последний шанс.

Серафина ничего не сказала.

Её губы шевельнулись, но не произнесли ни звука.

Её семья, её отец и лицо Левины, должно быть, пронеслись у неё в голове.

Всё это было петлёй, сдавливавшей её.

Мы очень долго так стояли.

В пустом холле, под каким-то тусклым светом.

Смотря друг на друга и не в силах ничего сказать.

Это молчание было ответом на все вопросы.

Когда я собрался развернуться, Серафима слегка приоткрыла рот и протянула руку, но в итоге так и не схватила меня.

Её рука бессильно упала в пустоту.

В конце концов, я оставил её там и пошёл в церковь.

Ночной воздух был холодным.

Холод, проникавший в самые лёгкие, наоборот, прояснял мысли.

Когда я открыл дверь церкви, меня встретил знакомый запах вина и воска.

Эстель сидела перед алтарём.

Заметив меня, она лучезарно улыбнулась.

Словно знала, что я вернусь.

— Снова пришёл? Что-то забыл?

— Завтра не смогу поужинать вместе.

Кратко сказал я.

— Есть дела.

— Хм-м.

Эстель пристально посмотрела на меня.

Её алые глаза, казалось, видели всё насквозь даже в темноте.

— Правда? Понятно. Тогда увидимся послезавтра.

Сказала она как ни в чём не бывало.

Но она встала и подошла ко мне.

— Но ты.

Она встала передо мной и осмотрела моё лицо.

Брови, глаза, нос, губы.

Медленно, внимательно.

— Странно выглядишь.

Сказав это, она вдруг крепко обняла меня.

Без всякого предупреждения.

Мягкое, тёплое прикосновение и слабый фруктовый аромат окутали меня.

Я даже не успел удивиться.

Она ни о чём не спрашивала.

Просто тихо, медленно похлопывала меня по спине.

Так, словно успокаивала маленького ребёнка.

— Не знаю, что случилось, но всё будет хорошо.

Прошептала она.

Тёплое дыхание коснулось уха.

Запах вина почему-то показался волнующим.

— А если и не будет, то что с того?

Я тебя здесь утешу.

Вместо ответа я, уткнувшись лицом в её плечо, закрыл глаза.

<http://erolate.org/book/1526/189205>